

ЭВОЛЮЦИЯ СООТНОШЕНИЯ ОБРАЗА И ТЕКСТА В КЕЛЬТИБЕРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ II-I ВВ. ДО Н. Э.

Латинские надписи появляются в Испании в конце III в. до н. э. Не так давно обнаруженное граффити, оставленное одним из легионеров П. Корнелия Сципиона на стене римской постройки в Тарраконе, является ныне самой древней латинской надписью на территории Пиренейского полуострова¹. Эта находка является удачным символом, позволяющим провести параллель между римским завоеванием и началом романизации испанских провинций. С увеличением числа солдат, должностных лиц, торговцев, колонистов происходит расширение сферы использования латыни в провинции. Об успехах этого процесса позволяет судить количественный рост эпитафических находок, относящихся к II-I вв. до н. э. К их числу относятся постановления сената и декреты наместников провинций, тексты муниципальных законов, надписи религиозного и военного характера, посвящения, граффити, хозяйственные и административные документы. На первых порах большинство этих надписей были оставлены природными носителями языка, римским населением Испании, которое на новой родине продолжало вести привычный им стиль жизни, важной частью которого был эпитафический габитус. Приблизительно в конце II в. до н. э. в Испании появляются латинские надписи, сделанные местным населением.

Одной из разновидностей провинциальных эпитафических находок являются официальные документы, составленные от имени власти на языке, носителем которой эта власть являлась. Тексты принадлежавших ей распоряжений, декретов и законов гравировались на бронзовых таблицах и помещались в храмах и других общественных местах, где документ могло увидеть максимальное количество народа. В Италии и на эллинистическом Востоке эта практика экспонирования органично продолжает древнюю эпитафическую традицию, соответствующую публичному характеру классической античной культуры и республиканскому типу политического устройства. Хотя на юге Испании несколько лет назад была сделана находка финикийской надписи на свинцовой пластине, эпитафическая традиция не была характерна для местной культуры и возникла лишь с римским завоеванием. Самой ранней и наиболее известной римской публичной надписью из Испании является декрет Л. Эмилия Павла из Оба, который датируется 188 г. до н. э.² В тексте декрета римский наместник объявляет свое решение по поводу вынесенного на его рассмотрение дела о гражданах

¹ AE. 1981, 573. *Alföldi G.* Die älteste römische Inschrift der Iberischen Halbinsel // ZPE. 1984. Bd. 43. S. 1-12. Латинские граффити из Нового Карфагена начала II в. до н. э. см.: *Abascal J. M.* La temprana epigrafía latina de Carthago Nova // Roma y el nacimiento de la cultura epigráfica en Occidente. Ed. F. Beltrán Lloris. Zaragoza, 1995. P. 141.

² CIL. II.5041 = ILS. 15.

Гасты и укрывшихся в Ласкутанской башне беглых рабах. Последние объявлялись свободными и получали в собственность ту землю, которой они владели к моменту издания декрета. Решение наместника, выгравированное по римскому обычаю на бронзовой таблице и помещенное на стене публичного здания, создавало не только в собственном смысле юридический прецедент, но и визуальный символ, воздействие которого сопоставимо с воздействием опубликованной таким образом конституционный нормы³.

Под римским культурным влиянием возникает местная эпиграфическая традиция Центральной Испании. Примерно с окончания II в. до н. э. у кельтиберов появляются первые надписи, предназначенные для публичного экспонирования. Свидетельством этой публичной функции на сохранившихся до настоящего времени документах служат отверстия для гвоздей, которыми таблицы крепились на стену. Примером подобной находки может являться таблица с надписью из Боторриты, древней Контребии. Она была обнаружена археологами в 1970 г. и представляет собой самый крупный из известных до настоящего времени кельтиберских текстов. Надпись на бронзовой таблице распадается на две части и состоит из 20 строчек и 173 слов⁴. Текст до сих пор полностью не расшифрован. По некоторым предположениям, он представляет собой закон, регулирующий условия аренды священного участка при храме⁵. Таблица была найдена археологами на руинах общественного здания, в крытом портике которого она была выставлена в эпоху, предшествующую разрушению города в ходе Серториевой войны. Несколько лет назад на том же месте были обнаружены еще две таблицы с кельтиберскими письменами⁶. Однако подлинной сенсацией стала находка в Боторрите латинской таблицы, знаменитой *tabula Contrebiensis*. Надпись представляет собой текст судебной формулы, вынесенной римским наместником Г. Валерием Флакком по поводу тяжбы двух испанских общин⁷. Она датируется 87 г. до н. э. и, следовательно, относится к той же эпохе, что и три кельтиберские таблицы. Хотя точное местоположение этой находки неизвестно, вполне вероятно, что она была выставлена на стене того же здания, что и три предыдущие таблицы.

Столь тесное одновременное соседство четырех надписей, три из которых были сделаны на местном языке иберийскими знаками, а чет-

---

³ Hubner E. Ein Decret des L. Aemilius Paulus // Hermes. 1869. Bd. 3. S. 250.

⁴ Untermann J. Monumenta Linguarum Hispanicarum. Bd. 4. Die tartessischen, keltiberischen und lusitanischen Inschriften. Wiesbaden, 1997. № K. 1.1; Beltran A., Tovar A. Contrebia Belaisca I: el bronce con alfabetico iberico de Botorrita. Zaragoza, 1982.

⁵ Lejeune M. La grande inscription celtibère de Botorrita (Saragosse) // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1973. P. 622–647; Gil J. Notas a los bronce de Botorrita y de Luzaga // Habis. 1977. T. 8. P. 162–172; Meid W. Altkeltische Sprachen III // Kratylos. 2000. Bd. 45. S. 10–11.

⁶ Monumenta Linguarum Hispanicarum. Bd. 4. № K 1.3. K 1.4. Meid W. Op. cit. S. 9–10.

⁷ AE. 1970, 377. Richardson J. S. The Tabula Contrebiensis: Roman Law in Spain in the Early First Century B. C. // JRS. 1983. Vol. 73. P. 33–41; Birks P., Rodger A., Richardson J. S. Further Aspects of the Tabula Contrebiensis // JRS. 1984. Vol. 74. P. 43–73.

вертая на латыни, представляет собой интересный культурный феномен и своего рода загадку. Все вывешенные на стене надписи имели публичный характер и, следовательно, предназначались для внимания широких слоев местного населения. Тем не менее, эта публичность в каждом случае проявляется по-разному, и это происходит ввиду различия в способе восприятия каждого из документов. В трех кельтиберских экземплярах язык текста и знаки письменности были понятны для значительной части населения города, нормативное содержание по крайней мере одного из документов предполагало необходимость периодического к нему обращения. Что же касается латинского языка и письменности другого документа, то следует предположить, что в глубине провинции, где практически отсутствовал сколь-нибудь романизированный культурный слой, надпись была совершенно непонятна для большей части населения города. Невозможность прочтения надписи сглаживалась общим декларативным содержанием документа, который не создает правовых последствий, ощутимых для контррейцев. Оба обстоятельства умножают число загадок *tabula Contrebiensis*⁸. Если большинство горожан не испытывало необходимости в прочтении надписи, а в случае появления таковой не имело соответствующих навыков, то каким же образом мог проявиться общественный характер надписи и каков культурный контекст, связанный с ее появлением?

Проблема восприятия публичных надписей эпохи античности уже давно привлекала к себе интерес широкого круга исследователей и породила обширную литературу⁹. Существующие на сегодняшний момент интерпретации античных публичных текстов неоднородны. Весьма распространенная точка зрения рассматривает античные надписи в качестве аналога современной системы информационной коммуникации и, соответственно, придает обычаю гравировки текста то же значение, которое мы придаем сегодня практике публикации текста закона для его более эффективного распространения, использования и сохранения. С точки зрения авторов, работающих в данном направлении, сущностью античного документа становится его смысловое содержание, а форме или фону надписи не придается особого значения. Гравирование на бронзовой таблице являлось лишь средством создания возможности длительного хранения и экспонирования текста. Вследствие публичного характера надписи каждое заинтересованное лицо могло в любой момент получить доступ к ее тексту, чтобы самостоятельно прочесть его текст или даже сделать с него собствен-

---

⁸ «Создание латинской надписи в том районе, где латынь не употреблялась, предполагает, что мотивом этого поступка, скорее всего, был престиж отношений с Римом» (Birks P., Rodger A., Richardson J. S. Op. cit. P. 48).

⁹ Schwind F. Zur Frage der Publikation in römischen Recht. München, 1973; Williamson C. W. Monuments of Bronze: Roman Legal Documents on Bronze Tablets // *ClAnt*. 1987. Vol. 6. P. 160-183; Elsner J. Art and Text in Roman Culture. Cambr., 1996. P. 2; Meyer E. A. Legitimacy and Law in the Roman World: Tabulae in Roman Belief and Practice. Cambr., 2004. P. 23-43.

ный список¹⁰. С целью более полного ознакомления граждан в провинциях тексты официальных распоряжений иногда переводились на местные языки, прежде всего на греческий. При этом переводчики стремились сохранять все характерные для юридического документа стилистические обороты, чтобы текст дошел до читателей с минимальными искажениями.

Оппоненты данной точки зрения предостерегали ее последователей от поверхностных аналогий с современными практиками и связанных с подобной модернизацией ошибочных суждений¹¹. Критикуя представление об античных публичных надписях как о публикациях текстов законов, они указывали на проблематичность прочтения выгравированных на бронзе документов. Этому препятствовали недостаток освещения в зданиях, где хранились таблицы, окисление бронзы, но более всего внешние характеристики таблицы и правила гравировки на ней текста. Так, закон о вымогательствах, т. н. *tabula Bembina*, найденная в Урбино в северной Италии, был выгравирован на бронзовой таблице шириной примерно 2 метра. Каждая строчка надписи содержит около 440 букв, плотно лепящихся одна к другой. Интервалы между словами и предложениями отсутствуют, отдельные параграфы закона совершенно не обозначены, частые сокращения и формальный казуистический язык текста превращают его чтение в суровое испытание. *Tabula Heracleensis* из Гераклеи в южной Италии представляет собой муниципальный закон, выгравированный на таблице высотой в 1,85 метра. Это обстоятельство предполагает необходимость использования лестницы для подробного ознакомления с полным текстом закона. Хотя буквы строятся менее плотно, а текст разбит на параграфы, однако в задачи граверов явно не входило облегчить его прочтение возможными зрителями¹².

Альтернативная интерпретация акцентировала внимание на особой роли материального носителя надписи. Античные источники проводят различие между деревянными и бронзовыми таблицами, между тем, хранятся ли выгравированные на них документы в частном жилище, храме или экспонируются публично. Выставленные на всеобщее обозрение таблицы являлись не только текстом, но и символом, выполняющим определенную визуальную функцию. Посредством таблицы, на которой он был выгравирован, закон или декрет наместника провинции обретал собственную материальную сущность. В качестве инструмента воздействия на сознание граждан ее постоянное присутствие в поле зрения было столь же эффективно, сколь и санкции,

---

¹⁰ Schwind F. Op. cit. S. 34.

¹¹ Eck W. Administrative Dokumente: Publikation und Mittel der Selbstdarstellung // Die Verwaltung des Römischen Reiches in der Hohen Kaiserzeit. Ausgewählte und erweiterte Beiträge. Basel; Berlin, 1997. Bd. 2. S. 359–381.

¹² *Tabula Bembina* (CIL. I.583); *tabula Heracleensis* (CIL. XII.593). См.: Williamson C. W. Op. cit. P. 162–163.

вводимые выгравированной на ней нормой¹³. Бронзовая таблица была не просто материальным носителем текста, а воплощенным символом документа. Судьбы таблицы и выгравированного на ней текста были связаны друг с другом неразрывными нитями: так, например, соглашение считалось вступившим в действие лишь с момента его гравировки на таблице и, соответственно, договор терял свою силу, если таблица с его текстом оказывалась повреждена или уничтожена. Известно, что после пожара Капитолия в 69 г. н. э., во время которого сгорело более 3 тысяч хранившихся в храме бронзовых таблиц, император Веспасиан предпринял беспрецедентные усилия по их восстановлению по сохранившимся частным спискам (Suet. *Vesp.* 8.5; Tac. *Hist.* VI.40)¹⁴.

По мнению Келли Вильямсон, одного из наиболее авторитетных специалистов по этой теме, центральным пунктом столкновений и конфликтов исследователей обеих направлений является вопрос о том, следует ли считать античные публичные надписи документом, для которого характерен ориентированный на извлечение смысла способ восприятия, или монументом, предназначенным для создания у зрителей эмоционального образа¹⁵. Хотя их противопоставление друг другу кажется британской исследовательнице излишне радикальной постановкой проблемы, следует все же отметить, что в тех ситуациях, когда между языком надписей и теми, кто их должен был читать, существовал барьер непонимания, на смену смысловому типу восприятия документа действительно приходил визуальный. Неграмотный зритель, не владеющий языком, на котором составлена надпись, без сомнений, будет воспринимать ее как образ, соединенный в единое целое с формой и фоном надписи. Соответственно, носитель надписи, а также знаки, используемые для письма, и технология их нанесения при этом обретают самостоятельное, независимое от текста значение. Подобное нерасчлененное понимание надписи как образа, цельного носителя информации, кажется, вообще является характерным для культур традиционных обществ¹⁶. Вероятно, именно так первоначально воспринимало римские надписи провинциальное население, не владевшие латинским языком и в массе своей вовсе бесписьменное.

Отталкиваясь от сходных предпосылок, Фиона Роуз в своей статье «Текст и образ в Кельтиберии» предложила интересную модель адаптации письменности и приспособления ее к принятому в варварском обществе словарю визуальных образов. На материале кельтиберских

---

¹³ Подобную таблицам визуальную функцию выполняли статуи. Не случайно бронзовые таблицы с указанием имени и заслуг изображенного лица помещались у подножия статуи или на постаменте. Постановление об изготовлении статуи часто гравировалось на бронзовой таблице и в качестве особой почести отсылалось изображаемому лицу. (Wilkins P. I. *Legates of Numidia as Municipal Patrons* // Chiron. 1998. Bd. 8. P. 199).

¹⁴ Meyer E. A. *Op. cit.* P. 36.

¹⁵ Williamson C. W. *Op. cit.* P. 166. № 24.

¹⁶ Иванов В. В. Об одном типе архаических знаков искусства и пиктограммы // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 113–118.

надгробных стел II в. до н. э. – I в. н. э. она убедительно доказала, что романизация местной культуры сопровождалась не просто принятием в этот словарь новых символов, но значительными изменениями принятого способа восприятия памятников в целом. Этот процесс эволюции автором был рассмотрен как изменение соотношения текста и фона или материального носителя надписи. На первоначальной стадии процесса характерным для местной культуры являлось визуальное восприятие памятника. Основную символическую функцию монумента выполняло идеализированное изображение усопшего на стеле. Подписанное здесь же его имя являлось лишь вспомогательным атрибутом, позволявшим соотносить обобщенный героизированный облик с конкретным индивидом. Со временем эта система соотношения изменилась и эпитафия с перечислением имени, возраста и заслуг покойного стала восприниматься как основной элемент надгробия, а типовое изображение стало играть при нем вспомогательную роль. Подобный способ видения монументов, преимущественно ориентированный на восприятие текста, был также характерен для большинства римских провинций эпохи Империи¹⁷.

Данное исследование заслуживает серьезного внимания и высокой оценки. На материале местных надписей Фиона Роуз разработала модель, которая позволяет исследовать одну из интереснейших сторон процесса романизации – эволюцию местной письменности. От аналогичных работ ее отличает своеобразная перспектива исследования, при которой процесс романизации рассматривается как бы изнутри и со стороны провинциалов. Хотя заявленные автором задачи исследования носят намеренно ограниченный характер, по моему мнению, их адекватность не ограничивается таким специфическим видом документов, как надгробия, но также распространяется на другие эпиграфические памятники региона, которые демонстрируют те же изменения. В фокус исследования попадают примерно II–I вв. до н. э., на протяжении которых произошли не только резкое увеличение общего количества памятников письменности и радикальные изменения в их языке, но изменился сам процесс восприятия надписей в целом. Результаты исследования убедительно свидетельствуют, что, по мере того, как надписи становились привычным элементом реальности, преобладавший ранее образный способ их восприятия сменился смысловым, а сами надписи проделали эволюционный путь от памятника к документу. Представленная работа является попыткой продолжить данную линию исследования и проверить справедливость выводов на другом материале.

В данной статье анализируются преимущественно кельтиберские надписи на бронзовых тессерах и таблицах, т. н. *tesserae hospitalis*¹⁸. К

---

¹⁷ Rose F. A. Text and Image in Celtiberia: The Adoption and Adaptation of Written Language into Indigenous Visual Vocabulary // OJA. 2003. Vol. 22. P. 155–175.

¹⁸ *Tabula aenea*: AE 1969 / 1970, 287; ILS. 6110, 6112, 6113, 6115; *tabula hospitalis*: ILS. 6106; *tabula patronalis*: ILS. 6114, 6116. Слово *tessera* для наименования табличек с записями или знаками: Pomp. Dig. I.2.2.37; Gell. X.27. В форме *tessera hospitalis*: Cic. Balb.

настоящему времени известно около тридцати документов подобного типа¹⁹. Большинство представляют собой фигурные жетоны с рельефной лицевой поверхностью и плоской тыльной стороной, размером 5–20 см. Материалом для тессер Центральной Испании служит бронза, что отличает их от тессер южной и юго-восточной иберийской части Испании, где традиционно использовали жетоны из свинца²⁰. Как свидетельствует античная письменная традиция, древнейшие *tesserae hospitales* имели вид соединенных в рукопожатии ладоней – жеста, издревле символизирующего согласие (Tac. *Hist.* I.42). Подобное изображение было найдено в Паредес де Нава (Паленсия) и ныне хранится в музее Паленсии. Формы других тессер напоминают изображения животных, возможно, тотемического происхождения: быков, лошадей, кабанов. Изображения подобного типа известны по находкам из Фасос де Байона (Куэнка), Сасамона (Бургос), Монреал де Ариса (Сарагоса) и других мест²¹. Для континентальной Месеты кажется весьма странной форма тессеры из Монреал де Арица (Сарагоса), изготовленной в виде дельфина²². Однако изображения дельфина на монетах этого региона свидетельствуют о каком-то символическом значении этой формы. То же самое можно сказать о недавно обнаруженной необычной тессере в виде коршуна из Пойо де Мара (Замора), форма которой перекликается с изображением на монетах (рис. 2)²³.

Из 30 опубликованных кельтиберских тессер две трети находок, относящихся ко II–I вв. до н. э., имеют зооморфную форму²⁴. По ходу времени им на смену приходят составленные на латыни таблицы прямоугольной формы, находки которых встречаются также и в других западных провинциях империи. В их ряду Испания занимает особенное положение, поскольку отсюда происходит более половины из общего числа находок. Большую часть таблиц, найденные в разных частях империи, объединяет определенное единство формы. Как правило, их высота немного больше ширины, размеры 0,35x0,28 м. считаются наиболее распространенными. Вариации формы включают прибавление трапециевидных боковых крылышек. Иногда верхняя грань таблицы надстраивается равнобедренным треугольником, придающим ей пятиугольную форму. На роскошно выполненной таблице из Луго (Га-

---

41; Plaut. *Poen.* 958; 1047; *Cist.* 503. Кроме того, термин *tessera hospitalis* постоянно используется в эпиграфических памятниках: ILS. 6094, 6096, 6111b, 6118–6120; CIL. I.594. У Плавта встречается термин *symbolum*, но он представляет кальку с греческого и у других латинских авторов нигде более не зафиксирован: Plaut. *Vac.* 265; *Ps.* 55, 753; 1201.

¹⁹ de Hoz Bravo J. Testimonios lingüísticos relativos al problema celtico en la Peninsula Iberica // *Los Celtas. Hispania y Europa.* Ed. M. Almagro Gorbea. Madrid, 1993. P. 361.

²⁰ Etienne R., Le Roux P., Tranoy A. La tessera hospitalis, instrument de sociabilité et romanisation dans la peninsula Iberique // *Sociabilité, pouvoirs et société. Actes du colloque de Rouen 24–26 novembre 1983.* Rouen, 1987. P. 323.

²¹ Llorio Alvarado A. J. *Los Celtiberos.* Madrid, 1997. Fig. 137.

²² Tovar A. El bronce de Luzaga y las téseras latinas y celtibérica // *Emerita* 1948. T. 16. P. 83–84.

²³ Curchin L. *The Romanization of Central Spain: Complexity, Diversity and Change in a Provincial Hinterland.* Oxf., 2003. P. 140.

²⁴ de Hoz Bravo J. *Op. cit.* P. 361.

лисия) эта надстройка выполнены в виде крыши, которую сбоку поддерживают две колонны. Сама таблица имеет вид портика, в глубине которого находится алтарь с выставленным в нем текстом посвящения²⁵. Подобное оформление является скорее исключением из общего правила, поскольку большинство таблиц лишены дополнительных украшений. Обычно изготавливавший таблицу мастер ограничивался тем, что полировал плоскую поверхность бронзового листа. Для крепления на поверхность стены в углах таблицы проделывались отверстия для гвоздей. Их отсутствие в некоторых экземплярах свидетельствует о том, что с этой же целью бронзовый лист могли помещать в деревянную раму и подвешивать на крепления, подобно современным картинам²⁶.

Tesserae hospitales являлись важной частью ритуала гостеприимства. Их изготавливали по случаю заключения соглашения (Liv. XXV.18; Cic. Verr. II.36; Plaut. Cist. 503). Используемый Плавтом термин *symbolum* предполагает, что тессеры изготавливались в двойном экземпляре, каждый из которых принадлежал одному из участников договора (Plaut. Bac. 265; Ps. 55, 753, 1201). При заключении соглашения партнеры должны были ими обмениваться и в дальнейшем хранить каждый свой экземпляр как память о договоре. Местом хранения тессер являлись дома гостеприимцев. На эту практику указывает фрагмент текста тессеры из Кордубы: *tabula hospitala incisa hoc decreto in domo sua posito*²⁷. Многие тессеры имеют отверстия, предназначенные для гвоздей, которыми изображение крепилось к стене. Обычно их не более двух, однако изображение кабана на тессере из Уксамы содержит три отверстия: первое на месте глаза животного, второе в холке, третье в левой ноге. О том, что это отверстия для гвоздей, свидетельствуют следы скола на одном из них, полученные, вероятно, в результате неудачной попытки закрепить тессеру на месте²⁸. В эпоху империи тессеры вывешивали на стены специального помещения для хранения документов *tablinum* (Fest. 356 M; Plin. Nat. hist. XXXV.7). Когда в Риме в 1558 г. были обнаружены прекрасно сохранившиеся остатки дома, некогда принадлежавшего семье Помпониев Бассов, оказалось, что на стенах таблинума все еще висели бронзовые таблицы с договорами и гостеприимстве и клиентеле²⁹. Тессеры с текстом коллективных соглашений, так называемые *hospitium publicum*, могли вывешиваться на стенах храмов или других публичных зданий, где они хранились наряду с другими документами: законами, постановлениями магистратов, привилегиями частного и общественного характера, ритуальными по-

---

²⁵ D'Órs A. *Miscellanea epigrafica* // Emerita. 1960. T. 28. Lam. 1.

²⁶ Nicols J. *Tabula patronalis: A study of the Agreement between Patron and Client-Community* // ANRW. 1980. 2.13. P. 537.

²⁷ CIL. VI.1492 = ILS. 6106; 7216.

²⁸ Garcia Merino C., Albertos M. L. *Nueva inscripcion en lengua celtiberica: una tessera hospitalis zoomorfa hallada en Uxama (Soria)* // Emerita. 1981. T. 49. P. 181.

²⁹ Lanciani R. *Pagan and Christian Rome*. L., 1892. P. 191.

священными и т. д. Известно, например, что в храме на Капитолии одновременно хранилось более 3 тысяч подобных таблиц³⁰.

На поверхности тессеры гравировались надписи, внешний вид и содержание которых значительно изменялись со временем. Самые ранние надписи на тессерах были составлены на языках местных народов и выполнены иберийскими знаками, традиционно использовавшиеся в Центральной Испании. Большинство надписей имеет весьма краткий характер и включает лишь имена гостеприимцев. Надпись на изготовленной в виде лошади тессере упоминает город *Cortonot*, известный по упомянутому Плинием этнику *cortonenses*, и *Alabom*, которую Птолемей описывает под именем *Alaba* (Plin. Nat. hist. III.24). В других случаях партнерами по договору, с одной стороны, выступает городская община, а с другой – отдельный индивид, как в случае союза между городом *Arekorata* и неким *Secilakos*, сыном *Melmu*. Интересно, что договоры о гостеприимстве, заключенные между отдельными индивидами, до сих пор неизвестны, что несколько отличается от практики, сложившейся в греко-римском мире³¹. Иногда в надписях встречается лишь одно имя, и в тех случаях, когда оно стоит в форме притяжательного падежа с окончанием *-sa*, речь несомненно идет об общине, в которой данная тессера была изготовлена. Поскольку в некоторых случаях местонахождение тессеры было отделено от упомянутой в надписи номенклатуры расстоянием в десятки километров пути, этот обычай служит отражением ритуала обмена тессерами между партнерами по договору³². Так, тессера с надписью *Virouiaea / Pal*, судя по форме первого топонима, была изготовлена в *Virouia*, современной Бривиеске (Бургос), но хранилась в общине *Palentia*, города, в древности стоявшего на месте нынешней Паленсуэлы (Паленсия), где она и была обнаружена³³.

По мере романизации провинции им на смену приходит формула публично-правового документа, написанного на латинском языке. Исследователи обращают внимание на правильную грамматику текстов, отвечающую сложившейся норме написания слов, речевых оборотов и формул, а также на прямое влияние, которое на структуру надписей оказывали правила, принятые в Риме при составлении документов такого рода³⁴. Текст надписи включает информацию относительно условий соглашения, норм, которые оно создает, и возможности их продолжения, содержит дату и имена лиц, которые его засвидетельствовали, а также целый ряд прочих деталей юридического характера. К установленной формуле заключения соглашения о гостеприимстве – *hospit-*

---

³⁰ Привилегии: Cic. Phil. II.37.93; III.12.30; V.4.12; посвящения: Liv. XXXX.52.5–7; постановления сената и договоры: Ios. Ant. XIV.10.1; 2; 3; 10. Williamson C. W. Op. cit. P. 170–172. Meyer E. A. Op. cit. P. 27–28.

³¹ Curchin L. Op. cit. P. 141.

³² Ibid.

³³ Castro L. Palenzuela en la Historia y en el Arte // Publicaciones de la Institucion Tello Tellez de Meneses 39. Palencia, 1977. P. 102.

³⁴ Nicols J. Op. cit. P. 556.

ium fecit – в латинских тессерах часто добавляется формула об учреждении отношений патронажа–клиенты: *hospitium fecit in fidem clientelamque recepit*. В музее Ла Коруньи (Галисия) хранится таблица, один из наиболее ранних провинциальных документов с текстом такого рода: *C. Caesare Aug. f. L. Aemilio Paulo cos. ex gente Asturum conuentus Arae August(a)e ciuitas Lougeiorum hospitium fecit cum C. Asinio Gallo libereis postereisque eius eumque liberas posterosque eius sibi libereis postereisque suis patronum cooptarunt isque eos in fidem clientelamque suam suorumque recepit. Egerunt legati Siluanus Clouti Noppius Andam*³⁵.

Эта формула, обычная для текстов испанских тессер I–III вв. н. э., объединяет их с большой группой документов римского времени, с так называемыми *tabulae patronales*³⁶.

Несмотря на отличие внешних черт бронзовых жетонов, а также разницу в полноте и содержании выгравированных на их поверхности надписей, одинаковое функциональное предназначение тессер и таблиц объединяет их в пределах общей группы документов. Следовательно, между содержанием текстов, способом размещения на них надписи и внешней формой кельтиберских рельефных тессер и бронзовых таблиц римского периода должна существовать преемственность черт. Данное исследование ставит задачу выстроить линию континуитета и описать переходный период II в. до н. э.–начала I в. н. э. как процесс обусловленных изначальной спецификой документа постепенных изменений. По мнению автора, основания данного процесса имеют общий характер, а сами изменения всецело могут быть вписаны в русло эволюции эпиграфической культуры Центральной Испании. Содержанием этого процесса эволюции стало изменение базового соотношения между текстом надписи и ее фоном: от характерного для местной культуры визуального восприятия документа как нерасчлененного образа, при котором надпись выполняет лишь вспомогательный характер комментария, к смысловому восприятию текста, когда надпись выдвигается на первый план, а ее фон становится малозначимым. Чтобы описать характер этих изменений, мы остановимся на вопросе происхождения кельтиберских тессер, попытаемся выяснить, как бронзовые жетоны функционировали в ритуале соглашения гостеприимства, каким образом специфика их употребления оказала влияние на характер надписи и способ ее размещения на поверхности тессеры.

Тессера необычной формы из собрания Мадридского музея позволит нам разгадать загадку происхождения тессер. Внешне данная тес-

---

³⁵ «В консульство Г. Цезаря, сына Августа, и Л. Эмилия Павла (1 г. н. э.) община лугеев из племени астуриков, конвента алтаря Августа, заключила союз гостеприимства с Г. Азинием Галлом, его детьми и потомками; его самого, детей и потомков выбрали патроном себе, своим детям и потомкам. Он же принял лугеев под свою защиту, сделал их своими клиентами и своих [потомков]. Доставили легаты Сильван, сын Клуга, и Ноппий, сын Андама». См.: *Curchin L. A. Vergil's "Messiah": A New Governor of Spain? // ANB. 1988. Vol. 2. P. 143–144.*

³⁶ *Nicols J. Op. cit. Harmand L. Le patronat sur les collectibites publiques des origines au bas empire. P., 1957. P. 50–55.*

сера представляет собой изображение какого-то животного: отчетливо видны голова с акцентированными ушами, четыре слегка выдвинутые вперед лапы, слегка повернутый набок хвост. Животное в данном случае изображено как бы сверху, что является необычным для зооморфных тессер, большинство из которых представляют собой профильные изображения (рис. 3.1). Отсутствие параллельных находок не позволяет надежно установить, изображением какого животного является тессера. М. Унтерманн сравнивает эту находку с тессерами, изготовленными в форме баранов, и трактует данный экземпляр как изображение бараньей шкуры³⁷. Эта интерпретация выглядит небезупречной, поскольку выступы на голове животного слишком малы, чтобы быть похожими на бараньи рога, и представляют собой скорее уши; поперечные полосы на лапах не могут быть изображением бараньих копыт, поскольку точно такие же полосы мы видим на шее животного; хвост слишком велик для барана. Хотя место находки тессеры, как и место ее изготовления, неизвестны, однако стиль изображения животного сверху, в перспективе «птичьего полета», довольно широко распространен в северо-восточной части Месеты, где жили ареваки. Изображение, подобное форме мадридской тессеры, мы можем обнаружить на росписи керамических сосудов из Нуманции, Сеговии, Уксамы, Паленции³⁸. По этим аналогиям можно заключить, что рассматриваемая тессера является изображением волка, или скорее волчьей шкуры (рис. 3.2–7).

Изображение волка довольно часто встречается на предметах искусства в Центральной Испании, что является следствием того значения, которое это животное имеет в кельтской и общиндоевропейской мифологии³⁹. Волк по преимуществу воплощает в себе природу иного мира: загробного царства по отношению к миру живых, первобытной дикости по отношению к социальному миру и т. д. Эти магические атрибуты зверя переносились на его шкуру. Она являлась магическим предметом, сообщавшим сакральность тому, кто ею владеет. Одним из аспектов этой сакральности выступает неприкосновенность человека с волчьей шкурой, которого нельзя убивать⁴⁰. Некоторый свет на значение образа волчьей шкуры в практике гостеприимства проливают сообщения античных авторов. Аппиан упоминает о посланнике осаж-

---

³⁷ Monumenta Linguarum Hispanicarum. Bd. 4. K. 04.

³⁸ Romero F., Sanz C. Representaciones zoomorfas prerromanas en perspectiva cenital. Iconografía, cronología y dispersion geografica // II Symposium de Arqueologia Soriana, Soria 1989. Soria, 1992. Vol. 1. P. 453–471.

³⁹ Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР, серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 5. С. 399–408; тот же. Происхождение имени Кухулина // Проблемы сравнительной филологии. М.-Л., 1964. С. 458–459.

⁴⁰ Согласно германским поверьям, воинов, сражавшихся в волчьих шкурах, древнеанглийский *heorowulfas*, исландский *berserkir*, было невозможно поразить, поскольку их не брали ни огонь, ни железо. См.: Сага об Инглингах. 6. Воины в волчьих шкурах в Греции: Paus. IV.11.3; в Италии: Verg. *Aen.* I.275; VII.688; Plin. *Nat. hist.* II.93, 207–208; X.16; Propert. IV.10, 20. Polyb. VI.22.3. См.: Walbank F. W. Historical Commentary on Polybius. Oxf., 1957. Vol. 1. P. 703.

денных нертобригов, знаком которого вместо кадуцея была волчья шкура (App. Iber. 48). При разграблении Трои шкура была повешена на дверях дома, где жил Антенор, в знак того, что этот дом является домом гостеприимца, в котором принимали Менелая и Одиссея, и поэтому его нельзя разрушать (Strabo. XIII.1.53; Paus. X.26.7; 27.2). Таким образом, тессера, изготовленная в виде волчьей шкуры, отражает определенную символическую традицию, в основании которой лежит почитание священных предметов. Изначально сама шкура играла роль фетиша, дающего защиту обладавшему им человеку. Ее замещение символическим изображением произошло лишь со временем и имело какие-то свои причины символического или вполне утилитарного характера.

Поскольку первые бронзовые тессеры были лишь священными предметами, надписи на них не были обязательны и могли вовсе отсутствовать. Символизм этих тессер имел иное происхождение, нежели смысловая природа увековеченного надписью текста соглашения и, соответственно, не имел необходимости в текстуальном подтверждении. Предположение о возможности существования тессер без надписи подтверждается фактом обнаружения нескольких подобных экземпляров. Зооморфная форма не допускает сомнений относительно принадлежности данных находок к числу тессер, но отсутствие надписи ранее создавало затруднение при идентификации находок. Между тем, античные нарративные источники упоминают как о самом факте существования подобных тессер, так и о принципах работы этой системы бессловесной коммуникации. Так, Варрон сообщает, что в 218 г. до н. э. римляне отослали в Карфаген две тессеры, на одной из которых было изображение меча, на другой – кадуцея, предложив карфагенянам самим выбрать одну из них в знак объявления войны или желания сохранить мир (*apud* Gell. X.27.5). Контекст рассказа Помпония о римском посольстве 149 г. до н. э. предполагает, что III Пуническая война была объявлена тем же способом, при помощи выбора одной из двух предложенных тессер (Pomp. Dig. I.2.2.37). Тацит рассказывает, что во время гражданской войны 69 г. н. э. галльская община лингонов, желая привлечь к себе симпатии солдат германской армии, прислала в лагерь изображение двух соединенных правых рук, «издавна служившее символом гостеприимства и дружбы» (*Hist.* I.54).

В отсутствие надписи единственным содержанием документа оставалась рельефная лицевая сторона жетона, форма которой, видимо была ориентирована на узнавание посвященных в значение этого предмета лиц и, таким образом, создавала возможность для функционирования документа. Те, кому эти знаки предназначались, могли без труда извлечь заложенный в них смысл, опираясь лишь на внешнюю форму изображения. Описание подобного процесса декодирования мы можем увидеть в комедии Плавта «Пуниец». В приведенном ниже диалоге двое гостеприимцев узнают друг друга, сравнивая хранящиеся у каждого из них тессеры (*Poen.* 1047–1049): «– Вот знак гостеприимства (*tesseram hospitalem*). / Везу с собой. Сравни его. / – Показывай. Он самый, у меня такой же дома есть (*est par probe quam habeo domi*)».

Вероятно, зооморфные тессеры также должны были сравниваться друг с другом. При этом те из них, которые подходили одна к другой, объявлялись парными. Приведенный выше диалог из «Пунийца» предполагает, что тессеры должны быть не просто похожи одна на другую, но симметричны (*par probe*). Что означает эта симметричность, мы можем узнать из словоупотребления Плавта, который в качестве синонима для обозначения тессеры использует заимствованное из греческого языка слово *symbolum*. Происхождение последнего является следствием существования обычая разделять между гостеприимцами астрагал, монету или какой-нибудь другой предмет, служивший своеобразным опознавательным знаком. При соединении обе половинки такого предмета должны были точно совпасть друг с другом (*sumballein*)⁴¹. Анализ находок тессер свидетельствует о существовании аналогичного обычая у кельтиберов, а также объясняет способ применения тессер.

Как ранее было сказано, большинство кельтиберских тессер представляет собой рельефные изображения зооморфной формы, изготовленные в виде животных, птиц и других символических предметов. В основном эти изображения имеют ассиметричный характер, а если изображение представляет собой животное, оно почти всегда оказывается повернуто в профиль. В искусстве традиционных народов размещение изображения в пространстве, когда его левая или правая сторона оказываются как-либо акцентированы художником, не является произвольным. Ориентация изображения вписывается при этом в традиционную оппозицию «левый-правый», что придает изображениям символический смысл и определяет ее интерпретацию зрителем⁴². В то время как определенное единообразие ориентации является вполне характерным для монетных изображений, каменных рельефов, вазовой и иной живописи, а также других предметов их визуального искусства древних народов, оно совершенно отсутствует у зооморфных изображений кельтиберских тессер. Ориентация тессер находится в полном беспорядке: одни изображения повернуты направо, другие – налево. По-разному оказываются ориентированы одни и те же образы, причем, примерно равные пропорции разнонаправленных изображений не позволяют определить какую-либо преобладающую художественную тенденцию. Все становится на места, если предположить, что это разнообразие является случайным и существует потому, что в нашем распоряжении находятся только правые или только левые части тессер, симметричная половина которых не сохранилась.

Предположение о том, что изначально тессера мыслилась как цельное изображение, разделяемое по продольной оси на две симметричные половины, может объяснить форму бронзовых жетонов с рельефной лицевой стороной и плоским тылом. Поскольку на тыльной сто-

---

⁴¹ Плиний Старший. *Естествознание. Об искусстве*. Пер. и прим. Г. А. Тароньяна. М., 1994. С. 176. Прим. 2.

⁴² Иванов В. В. Об одном типе архаических знаков искусства и пиктограммы. С. 113–118. Иванов В. В. Левый и правый // Мифы народов мира. М., 1994. Т. 2. С. 43–44. Видаль-Накэ П. Черный охотник. М., 2001. С. 95–106.

роне бронзовых жетонов не было обнаружено следов спила, скорее всего, тессеры с самого начала отливались как две половинки одного изображения. Их форма при этом сохраняет идею «половинчатости» каждого экземпляра, которая, по некоторым гипотезам даже отразилась в кельтиберском названии тессеры⁴³. О происхождении этого обычая мы можем лишь строить догадки. Рассечение цельного изображения на части могло подражать практике ритуального рассечения тела животного в некоторых жертвоприношениях, связанных с приношением клятвы. Симметричность обеих частей могла указывать на равенство договаривающихся сторон и обоюдный характер заключенного между ними соглашения⁴⁴. Помимо символического значения этот обычай мог иметь чисто практический смысл. По двум половинам, каждую из которых забирал один из партнеров, обе стороны или даже их потомки могли впоследствии узнать друг друга. Чтобы защитить себя от ошибки или подделки, в некоторых экземплярах был спрятан своеобразный ключ. На тыльной стороне этих тессер мы видим углубления, которым, по всей видимости, должны были соответствовать выступы на другой половине. Поскольку каждая тессера была уникальна, подойти к этим пазам могли выступы только соответствующей половины партнера, а вся конструкция должна была работать как замок с шифром, код которого известен лишь партнерам по соглашению.

Компактные размеры кельтиберских тессер, а также факт их частого обнаружения на расстоянии от места изготовления явно свидетельствуют о том, что они предназначались для переноски. Реконструируемый нами обычай применения тессер также говорит о необходимости их портативного хранения. Нарративные источники свидетельствуют, что, по крайней мере, вначале тессеры брались с собой в дорогу для того, чтобы служить своеобразным опознавательным знаком. Со временем этот обычай претерпел изменения. На ранних тессерах, как правило, отсутствуют элементы крепления. Более поздние экземпляры обзаводятся отверстиями, предназначенными для гвоздей, которыми изображение крепится к стене⁴⁵. Изменяется также форма тессеры, которая теряет изначально характерный для нее рельефный вид. Хотя изображение кабана на экземпляре из Уксамы продолжает традицию изготовления зооморфных тессер, плоская форма жетона, как будто целиком вырезанного из бронзового листа, оптимально приспособлена для нового предназначения тессеры – служить монументальным экспонатом, вывешенным на всеобщее обозрение на

---

⁴³ Существует предположение о том, что кельтиберское название тессеры *cortica* происходит от индоевропейского глагола *(s)cer* со значением «резать». См.: *Gil J. Op. cit.* P. 173.

⁴⁴ Описание этого ритуала мы можем обнаружить в тексте «Дневника Троянской войны»: «Калхант, сын Фестора, знающий будущее, приказал принести на середину площади самца свиньи, которого он разрубил на две части, разложив их по направлению к востоку и к западу, затем он велел всем пройти по одному между ними, обнажив мечи. Омочив лезвия мечей в крови кабана... все торжественно заверяют, что будут врагами Приаму» (*Dict. Cret.* I.15).

⁴⁵ *Garcia Merino C., Albertos M. L. Op. cit.* P. 179.

стенах храмов или публичных зданий. Эта новая визуальная функция документов, включенных в пространство публичной культуры, объединяет поздние кельтиберские тессеры с современными им римскими надписями на бронзовых таблицах и является свидетельством успешно осуществлявшейся романизации Центральной Испании.

Соответственно этой эволюции формы тессеры от портативного жетона к публично экспонируемой таблице, происходит изменение в способе размещения и значении надписи на документе. Ранее отмечалось, что в представлениях варваров тессера служила материальным символом договора, условия которого определялись устной традицией. Поскольку при этом тессеры рассматривались главным образом в качестве священных предметов, особой потребности в размещении на их поверхности надписи не возникало. Этим изначальным представлениям соответствуют несколько известных археологам экземпляров кельтиберских тессер без надписей. Когда же по прошествии некоторого времени эти представления претерпели изменения и кельтиберы начали гравировать надписи на тессерах, их стали размещать на тыльной плоской стороне бронзового жетона. Подобное расположение имело определенные последствия. Когда тессера вывешивалась на стене храма, зрителю была видна ее рельефная лицевая сторона, а надпись, сделанная на плоской стороне тессеры, в этом случае оказывалась повернутой к стене. То же происходило, когда тессеры сравнивали одну с другой, соединяя их тыльными сторонами – надпись в этот момент пропадала. Это свидетельствует о том, что изначально надпись на тессере имела маргинальный характер, поскольку размещенный на ее тыльной стороне текст можно было прочесть лишь когда жетон передавали из рук в руки. В тех же случаях, когда тессера «работала» – или в виде экспоната на стене храма, или в смычке со своей половиной – надпись оказывалась скрыта от глаз.

Этому второстепенному значению надписи в структуре тессеры вполне соответствовало содержание текста. Объем большинства известных надписей не превышает одного или двух слов и в основном включает лишь имена партнеров по соглашению: отдельных индивидов, родовых объединений и городских общин. Примерами подобных надписей являются *libiaca* на известной нам тессере из Мадридского музея, *atulicum* на тессере из Куэнки и т. д.⁴⁶ В ряде надписей имена гостеприимцев оказываются соединены друг другом словом *car*, которое представляет собой стандартную аббревиатуру для кельтиберского слова со значением *hospitium*. В полном виде оно восстанавливается как *caruot* и великолепно соотносится с ирландским *care* «друг» и валлийским *car* «родственник»⁴⁷. Текст бронзовой таблицы из Паредес де Нава (Паленсия), записанный латинскими буквами: *caisaros ciicciq cr /*

---

⁴⁶ Monumenta Linguarum Hispanicarum. Bd. 4. K 0.6. K 0.4. *Tovar A.* Una nueva pequeña tesera celtiberica // Emerita. 1983. T. 51. P. 1.

⁴⁷ *Curchin L.* The Celtiberian Vocable *car* in Two Inscriptions of Central Spain // ZPE. 1994. Bd. 104. P. 230.

arcailo восстанавливается как *Caisaros Cecciq(om) c(a)r(uom) Arcailo*, т. е., «*Caisaros* из рода *Ceccici* заключил союз гостеприимства с *Arcailos*»⁴⁸. Иногда на тессерах встречаются сокращенные варианты текста, включающего лишь имя партнера и упоминание заключенного с ним соглашения, наподобие *arcailica car* на жетоне в виде дельфина (происхождение неизвестно)⁴⁹. Форма притяжательного падежа, в которой дано последнее название, подтверждает предназначение этой надписи – служить пояснением к тессере, удостоверяющим имя партнера по соглашению⁵⁰.

Наиболее подробным текстом из числа имеющихся в распоряжении археологов кельтиберских эпиграфических памятников является таблица из Лузаги. В восьми строчках этого документа дважды встречается уже известное нам слово *caruom*, оба раза в сочетании *caruo cortica*. Последнее слово – *cortica* – встречается в тексте еще раз, в сочетании *cortika teces*. Все три слова образуют смысловую структуру содержания текста. В настоящее время надежно установлено, что сочетание *caruo cortica* представляет собой кельтиберское соответствие латинского *tessera hospitalis*. Оставшееся слово *teces* можно сопоставить с рядом индоевропейских глагольных оснований: санскр.*dheces, греч. *eteke*, лат. *facere* с общим значением «изготавливать». В этом случае окончание документа *caruo teces cortica teioreicis* может быть сопоставлено со стандартным окончанием текстов римской эпохи и переведено как: *tessera hospitalis fecit Diorigis*, т. е. «изготовил тессеру *Diorigis*»⁵¹. Таким образом, надпись из Лузаги фиксирует вариант соглашения, при котором в процессе заключения договора на первый план выступает акт изготовления и посвящения *tessera hospitalis*. Ее соответствием является одна из первых латинских тессер Центральной Испании с надписью *quom Metellineis tessera*, а также надпись на тессере из Паредес де Нава (Паленсия): *Acces Licirni Intercatiensis tesseram hospitalem fecit cum civitate Palantia*⁵². Среди эпиграфических находок встречаются также краткие варианты этой формулы, наподобие *libiaca cortika car* в надписи из Кабецо де Грегю (Паленсия)⁵³.

Акцентирование в надписи особого значения тессеры хорошо согласуется с образной культурой восприятия документа. Римское влияние выразилось прежде всего в способе размещения надписи, которая с тыльной переместилась на лицевую сторону бронзового жетона, но также затронуло и природу текста. Надпись из Уксамы выгравирована на лицевой стороне бронзовой тессеры, изготовленной в виде кабана.

---

⁴⁸ CIL. II.5762.

⁴⁹ *Castellano A., Gimeno Pascual H. Tres documentos de Hospitium ineditos // Pueblos, lenguas y escrituras en la Hispania prerromana. Actas del VII Coloquio sobre lenguas y culturas paleohispanicas. Zaragoza, 1999. P. 362.*

⁵⁰ *Curchin L. The Romanization of Central Spain. P. 141.*

⁵¹ *Gil. J. Op. cit. P. 162–163, 173.*

⁵² *Lejeune M. Celtiberica. Salamanca, 1955. P. 76. См. также: Hispania Epigraphica. 1995. T. 5. 776.*

⁵³ *Monumenta Linguarum Hispanicarum. Bd. 4. K 0.5.*

Ее текст включает девять слов: *Ruoureca ureibo esaimis cortica usama andos saieos baisai(os) caldaiecs*⁵⁴. В нем легко читаются названия общин, выступивших партнерами по соглашению: *Ruoureca*, которая восстанавливается как *Roura* и отождествляется с целым рядом топонимов провинции Касерес, а также Уксама, чье название дается в форме *Usama*. Слово *ureibo* издатели текста предлагают перевести как имя собственное. Следующее за ним *esaimis* или, более вероятно, *exaimis*, сравнимое с греч. ἔξαιτος, «выборный» или «превосходный», скорее всего, является указанием на статус или должность. Сопоставляя это слово с другими, подобными ему: *augis* в надписи из Лузаги, *bintis* в надписи из Боторриты, *orgis* в надписи из Пенальба де Вилластар и с формулой латинской надписи из Лас Мерханас: *te(s)sera Caure(n)sis magistratu Turi*,⁵⁵ мы получаем указание на магистрата Руры, который заключает *hospitium*, является гарантом выполнения условий соглашения или просто датирует время заключения союза по сроку отправления своей должности. Это предположение подтверждается формулой *per magistratum Elaisicum* на tessере из Паредес де Нава, *per magistratum Caelione(m) et Caraegium et Aburnum* в надписи из Эррера де Писурера и, по всей видимости, согласуется с римским обычаем датировки документов⁵⁶.

Хотя латинские надписи более позднего времени оформлены в соответствии с общими правилами и лишены особой специфики, описываемый ими материал часто несет на себе печать региональной особености. Еще в середине XIX в. в Асторге была найдена бронзовая таблица с надписью, в которой идет речь о возобновлении (*renovatio*) старинного гостеприимства (*vetus hospitium*) между двумя семейно-родовыми объединениями, т. н. гентилициями десонков и тридиавов, принадлежавших к одному племени зелов (*gentilitates desoncorum et tridiavorum ex gente zoelarum*). Возобновив старинное соглашение, они приняли друг друга под покровительство и в клиентелу (*omnes alis alium in fidem clientelamque suam suorumque liberorum posteriorumque receperunt*), что является стандартной частью формулы гостеприимства испанских надписей на таблицах римского времени. Договор утвержден магистратами зелов в племенном центре Курунде и датируется 27 г. н. э.⁵⁷ Строго говоря, неизвестно, были ли он выгравирован на бронзовой таблице или зафиксирован в какой-то другой форме, поскольку его текст дошел до нас в преамбуле более позднего соглашения, датированного 152 г. Однако поскольку формальный характер надписи предполагает, что она с самого начала была составлена в соответствии с определенными правилами, ничто не препятствует верить в то, что подобный документ существовал. Используемая в надписи формула возобновления гостеприимства предполагает, что речь, по-видимому,

⁵⁴ Garcia Merino C., Albertos M. L. Nueva inscripcion en lengua celtiberica: una tessera hospitalis zoomorfa hallada en Uxama (Soria) / Emerita. 1981. T. 49. P. 180.

⁵⁵ Monumenta Linguarum Hispanicarum. Bd. 4. № 377.

⁵⁶ Nicols J. Op. cit. P. 556.

⁵⁷ CIL. II.2633 = ILS. 6101.

идет о старинном институте, корни которого уходят в глубину доримской эпохи по крайней мере на целое столетие. Точно неизвестно, в течение какого времени существовала традиция отношений между десонками и тридиавами и сколько столетий она передавалась в устной форме прежде, чем была записана в форме договора. Однако примечательно, что это событие по времени совпало с окончанием римского завоевания Испании и появлением большого числа аналогичных документов.

Таким образом, кельтиберские надписи на тессерах демонстрируют определенную закономерность отношений с фоновым изображением на бронзовом жетоне и эволюция этого вида документов связана с изменением этого соотношения в течение переходного периода II в. до н. э. – начала I в. н. э. В самых ранних экземплярах максимальную смысловую нагрузку несет на себе рельефное изображение на лицевой стороне тессеры, а краткий текст надписи, к тому же помещенный на тыльной стороне бронзового жетона, лишь выполняет пояснительную функцию комментария. Надпись, единственным содержанием которой в большинстве случаев является одно или несколько имен, лишь указывает на изготовителя таблицы или партнера по соглашению, фиксирует учреждение приятельных отношений (*caruom*) или изготовления тессеры (*caruo cortica*). Поскольку в тексте отсутствуют условия договора и описание рамок правовой ответственности заключивших его сторон, подобное указание не может являться документом в собственном смысле слова. Регулируемые институтом гостеприимства отношения – это преимущественно контакты между «своими», которым ничего о правилах этих отношений объяснять не надо. При сохранении регулятивной силы традиции документальное подтверждение договора становится необязательным. Изменения в данном соотношении происходят вследствие распространения римского культурного влияния, разрушающего единство местного культурного поля. В тех случаях, когда гостеприимство объединяло кельтиберов с римлянами, ввиду различия культурных традиций обеих сторон их обязанности должны были быть четко определены.

Надпись, выгравированная на более поздних тессерах, уже не рассчитана на узнавание «своих», но составлена как правовой контракт, предполагающий возможность детального ознакомления с текстом документа и извлечения из него рационального смысла. По этой причине надпись перемещается на лицевую сторону бронзового жетона, когда же тессеры окончательно утратили первоначальную рельефную форму, гравирование надписи на обращенной к публике лицевой поверхности таблицы стало единственным возможным способом ее размещения. Одновременно бронзовые таблицы стали выставляться в публичных местах, где текст оказывался открыт и доступен для прочтения любым, кто имел в том необходимость. Если ранее текст без тессеры был невозможен, то теперь на бронзовой таблице гравировали фиксированный текст контракта, вполне автономный от своего носителя. Соответственно, при восприятии документа значение тессеры все более теряется, пока не становится ничтожным в конце эпохи антич

ности. Для Кассиодора, автора, принадлежавшего уже к другой эпохе, его остаточное сохранение содержало причину для упрека древним: «Слова о мудрости наших предков находятся под сомнением, ибо как можно быстро записать слова, если сопротивляющаяся твердость дерева делает это почти невозможным? Неудивительно, что светоч разума страдает от бессмысленных отсрочек и дух остывает, поскольку его слова вынуждены запаздывать» (Cassiod. *Variae*. XI.38.34; Ср. Hieron. *Ep.* VIII. 1).

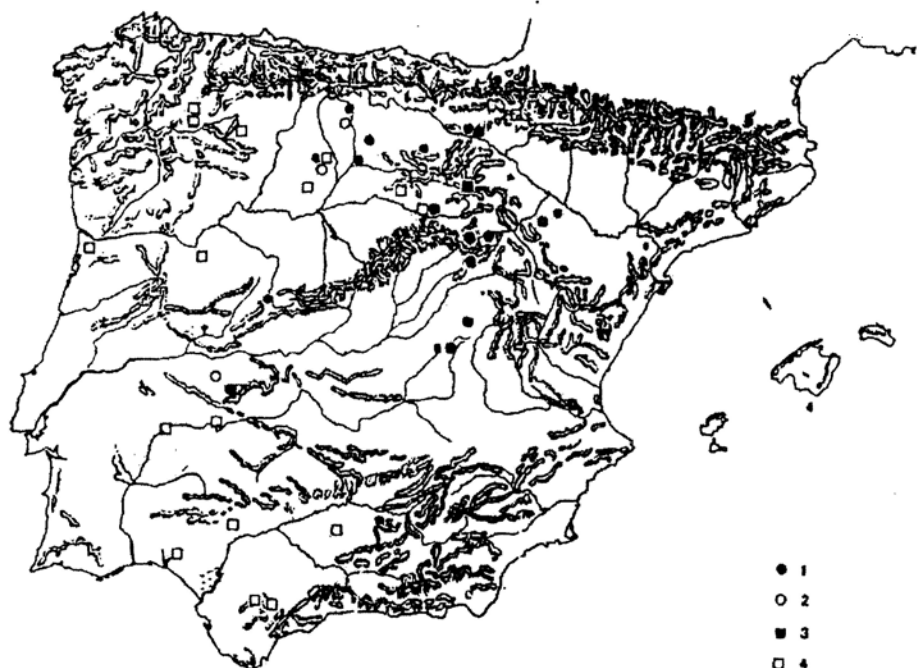

Рис. 1.

Карта распространения тессер и таблиц в Испании:

- 1 – зооморфные тессеры с кельтиберскими надписями;
- 2 – зооморфные тессеры с латинскими надписями;
- 3 – кельтиберские таблицы;
- 4 – латинские таблицы

(Lorrio Alvarado A. J. *Los Celtiberos*. Madrid, 1997. P. 133. Fig. 133 B)

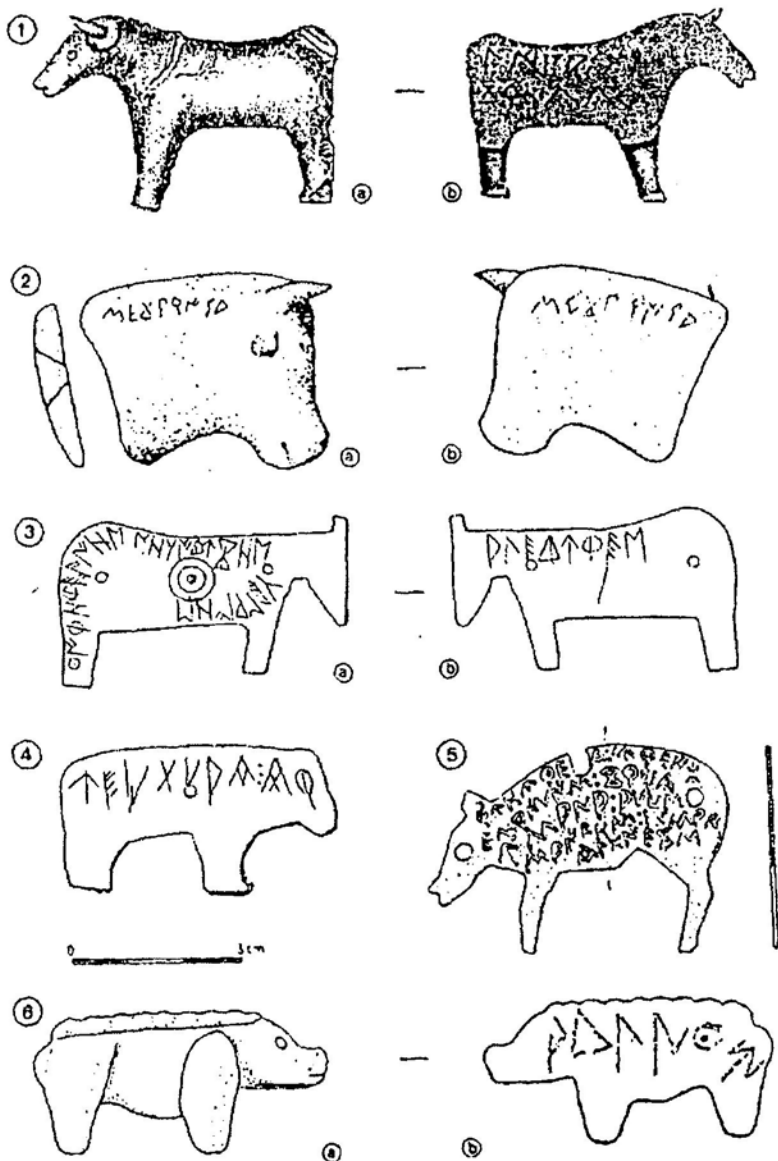

Рис. 2.

Кельтиберские зооморфные тессеры:

- 1 – Фосос де Байона (Куэнка); 2 – неизвестного происхождения;
 3 – Сасамон (Бургос); 4 – Аркобрига (Монреал де Ариса. Сарагоса);
 5 – Уксама (Бурго де Осма, Сория); 6 – неизвестного происхождения
 (Lorrio Alvarado A. J. Op. cit. P. 359. Fig. 137)

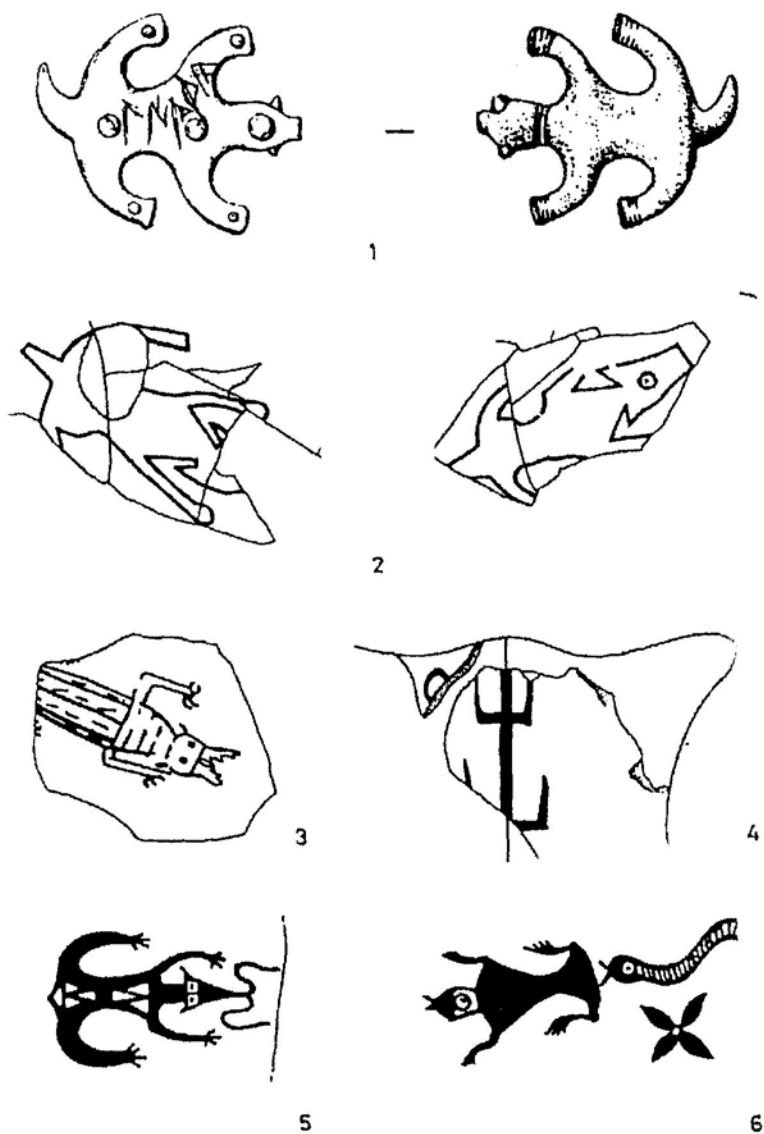

Рис. 3.
 Изображения волка в искусстве Центральной Испании:
 1 – неизвестного происхождения;
 2 – Нуманция;
 3 – Нуманция;
 4 – Падилла де Дуэро;
 5 – Уксама;
 6 – Сеговия;
 7 – Асанла

(Rose F. A. Text and Image in Celtiberia: The Adoption and Adaptation of Written Language into Indigenous Visual Vocabulary // OJA. 2003. Vol. 22. P. 160–161. Fig. 4, 5)

ALEXEY V. KOZLENKO (MINSK, BELARUS)

**EVOLUTION OF THE TEXT AND IMAGE RELATIONS IN CELTIBERIAN
EPIGRAPHY DURING II-I B. C.**

This paper deals with the problem of local epigraphic culture evolution in Central Spain during the transition period of II B. C. – I A. D. Drawing upon Celtiberian inscriptions on the bronze *tesseras*, the author analyzes their continuity with Latin *tabula hospitalis*. He supposes that various connections between the text and the bronze token existed and played an active role in the process of evolution.